

И.А. Овчинина

АКСИНЯ

Астахова Акси́нья — центральный персонаж романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Выросла в казачьей семье. В шестнадцать лет пережила трагедию — ее изнасиловал отец, «пятидесятилетний старик». Потрясенные этим, мать и брат Акси́ньи избили его до смерти («Людям сказали, что пьяный упал с арбы и убился»).

Через год Акси́нью выдали замуж за Степана Астахова («Высокий, крутошей и статный Степан Акси́нье понравился»). В доме мужа ее встретили неласково; свекровь, «высокая, согнутая какой-то жестокой бабьей болезнью старуха», сразу же заставила Акси́нью взять на себя все заботы о хозяйстве. «Вот что, милая сношенька, взяли мы тебя не кохаться да не вылеживаться. Иди-ка передои коров, а посла становись к печке стряпать».

Степан, в первый же день совместной жизни, незаслуженно наказал ее за отцову вину. Он «обдуманно и страшно избил молодую жену». Супружеские отношения складывались нелегко, скупа была судьба Акси́ньи на женское счастье. Степан «года полтора не прощал ей обиду: пока не родился ребенок. После этого притих, но на ласку был скуп и по-прежнему редко бывал дома».

Редкие моменты согласия наступали между супругами, когда они «играли песню». «Степан, покачиваясь на возу, тянет старинную песню... Акси́нья, уложив голову на выпуклые полукружья мужниной груди, вторит». Поет Акси́нья чисто, хорошо, вызывая одобрение у хуторян: «Голосистая жена Степану попала».

Акси́нья «привязалась к мужу после рождения ребенка, но не было у нее к нему чувства, была горькая бабья жалость да привычка». Радость материнства длилась недолго («Ребенок умер, не дожив до года»).

Неожиданно на Акси́нью обращает внимание Григорий Мелехов. Он начинает с нею заигрывать, когда Степан уехал в майские лагеря. Акси́нья «с ужасом» чувствовала, что «ее тянет к черному, ласковому» Григорию.

Вскоре она откликается на его ухаживания, решается на любовную связь. Это немедленно становится достоянием всего хутора. «Бабы при встрече с ней ехидно ощерялись, качали головами вслед, девки завидовали». Однако взглядам и пересудам она не придавала значения и «гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову».

Теперь Акси́нья никому не позволяет вторгаться в ее жизнь и разрушать ее бабье счастье, которого доселе она не ведала. Пришедшему к ней с увещеваниями и угрозами Пантелею Прокофьевичу («Гришке я кровь спущу за это самое, а Степану твоему пропишу») Акси́нья дает яростный отпор.словно тигрица, наскокивает она на старика, отстаивая свое право на любовь. «Ты что мне, свекор?.. Иди свою толстозадую учи! На своем возу распоряжайся! <...> Ступай, откель пришел! <...> Ну, люб мне Гришка... Пиши хучь наказному атаману, а Гришка мой! Мой! Мой! Владаю им и буду владать!..» И в конце добавляет: «За всю жизнь за горькую отлюблю!.. А там хучь убейте!»

Все осуждают Акси́нью за то, что она встречается с Григорием, не таясь от людей, — «вязало их что-то большое, не похожее на короткую связь, и поэтому в хуторе решили, что это преступно, безнравственно». «Акси́нья неистовствовала в поздней горькой своей любви», она «ходила, не кутая лица платком», а «жадные губы ее беспокойно и вызывающе смеялись».

И от вернувшегося Степана Акси́нья не прячет свою любовь к Григорию. «Бей!.. Не таюсь — грех на мне. Бей, Степан!» — говорит она с «обезображенным от страха лицом».

«Залитую кровью» Аксиныю спасают от страшной расправы Григорий с братом, вовремя подоспевшие на выручку.

Куда более тяжелым испытанием стала для нее женитьба Григория на Наталье Коршуновой. С той поры «пусто и одичало, как на забытом затравевшем лебедою и бурьяном гумне, стало на душе у Аксины».

В это время она испытывает к Григорию сложное чувство ненависти, соединенной «с великой любовью». Жизнь ее превращается в нравственную пытку. Когда первая, резкая боль прошла, Аксиныя поняла, что она не в силах расстаться с Григорием. «В мыслях шла баба на новое бесчестье, на прежний позор: решила отнять Гришку у счастливой, ни горя, ни радости любовной не видавшей Натальи Коршуновой».

Аксиныя ищет любой возможности встретиться с Григорием и по первому же его зову бежит к нему на свидание. Григорий сообщает ей, что «с своими поругался» и намерен больше туда не возвращаться. Он предлагает Аксиные оставить мужа, на что она с готовностью отвечает: «И не охну. Хучь зараз». Радость вызывает у нее решение Григория вместе с ней покинуть станицу. «Хучь под скотину я с тобой, Гриша... Лишь бы с тобой».

Их пристанищем становится Ягодное, имение генерала Листницкого, куда они нанялись в качестве кучера и стряпухи. «На обязанности Аксины лежало три раза в неделю мыть в доме полы, кормить гурты птицы и содержать птичий двор в чистоте». Новая жизнь окрылила Аксиные, вызвала в ней прилив энергии и желание создать семейное гнездо. Она «ретиво взялась за службу, всем стараясь угодить», «чисто выбелила замшевшую в грязи комнату, отмыла наличники окон, выскребла битым кирпичом полы. Бабым уютом пахло в пустой уютной комнатке».

Здесь, в Ягодном, все чаще останавливает на Аксиные взор молодой хозяин Евгений Листницкий. «Красивая баба», – говорит он Григорию, «блудя улыбкой». Он все чаще заглядывает к Аксиные, выбирая «такое время, когда Григорий был занят с лошадьми», искушая ее «бесстыдным улыбчивым взглядом». Эти посещения были неприятны Аксиные, и она «невпопад отвечала на разные пустяковые вопросы, норвила поскорее уйти».

Долго не решается Аксиныя сообщить Григорию о беременности, так как боится, что он начнет сомневаться в своем отцовстве. Так и случилось. С той поры «Аксиныя замкнулась в себе, не напрашиваясь на ласку». Между ними пролегла тень отчужденности.

Доброту и почти дочернюю заботу Аксиныя проявляет к старому конюху, деду Сашке. Она стирает и латает его белье, балует вкусной едой, за что и заслужила его благодарность («Я тебе, Аксиныюшка, хоть из души скляночку выну»).

Через некоторое время у Аксины родилась девочка, и теперь она «обрела новую, уверенно-счастливую осанку». Однако ее счастье было неполным — в семье Мелеховых Аксиныю не признавали, относились к ней с нескрываемой неприязнью, а жалели и любили законную жену Григория Наталью. Тем не менее Аксиныя не теряет надежды на то, что ребенок рано или поздно сможет примирить ее со стариками и навсегда привяжет к ней Григория.

Относительно размеренное течение жизни в Ягодном прерывает война, на которую ушли казаки. Разлуку с Григорием Аксиныя переносит «с виду стойко». «Вся любовь ее к Гришке перекинулась на дочь», которая все больше становилась на него похожа. А в глубине души она сильно тосковала, тревожилась за жизнь Григория, ее заметно старили «горючие ночи».

Прилив бешенства вызывает в ней приход Натальи с просьбой оставить Григория. Аксиныя глумится над Натальей, по-бабы мстит ей за то, что та принесла ей несчастье, выйдя замуж за Мелехова. Наталью она воспринимает как лютого врага, безжалостно и больно бьет ее жестокими словами. «Ты-то нужна ему? Глянь, шею-то у тебя покривило! И ты думаешь, он позавидует на тебя? Здоровую бросил, а на калеку позавидует?»

Не видать тебе Гришки! Вот мой сказ! Ступай!» Аксинья «лютовала, защищая свое гнездо, за все прежнее разила теперь» — и за новые морщины, и за свои бессонные ночи.

Меняется положение Аксиньи и в доме Листницких — из стряпух ее переводят в горничные. Неожиданно приходит беда: заболевает scarлатиной девочка. Случившееся Аксинья воспринимает как Божие наказание за ее издевательство над Натальей. «Ночи на-вылет» простаивая «на коленях у кровати», Аксинья неистово молилась, «просила у Бога последнюю милость — сохранить жизнь ребенка». Сердце ее надрывалось, глядя на страдание дочери. Как ни старался фельдшер, девочка не поправилась, умерла на руках у матери.

В таком состоянии Аксинья особенно остро чувствует одиночество. Поэтому она не отталкивает приехавшего в отпуск Евгения Листницкого («Свои неписанные законы диктует людям жизнь») и отдается молодому хозяину «со всей бурной, давно забытой страстностью».

Совершенно неожиданно появляется в Ягодном Григорий. Доселе души не чаявший в Аксинье дед Сашка, не может скрывать от него измену Аксиньи Глубоко чувствует Аксинья свою вину перед Григорием и в то же время больше всего боится его потерять. Она молит его о прощении, но Григорий уходит из Ягодного; он «не оглянулся ни разу, не видел протянутых к нему Аксиньиных рук».

Началось тоскливое одинокое существование Аксиньи в доме старика Листницкого, тогда как от природы она была наделена страстной жадой любви и незаурядной женской красотой.

Летом 1918 года Евгений Листницкий в сопровождении жены Ольги приезжает в Ягодное. Аксинья сразу же обратила на себя внимание Ольги. «Какая порочная красота! Кто это? Вызывающе красива, не правда ли?» Аксинья понимает, что отныне ее положение в доме хозяев осложнилось. И она, «словно предчувствуя плохое, старалась угодить молодой хозяйке, была заискивающе покорна и не в меру услужлива».

Ограждая покой семьи, старик Листницкий требует от сына, чтобы тот заставил Аксинью уехать. При встрече с Евгением, Аксинья признается: «Меня нужда такой бес-совестной сделала... Измучилась я одна». В это время возвращается из плена Степан, которого считали убитым. Узнав о разрыве жены с Григорием, Степан просит ее вернуться домой. С этим деликатным поручением поехала в Ягодное Аникушкина жена. Аксинья «вернуться наотрез отказалась». Посланица с завистью рассуждает: «Нужды ей нету ворочаться, живет барыней. Гладкая стала, лицо белое. Тяжелую работу не видит».

Тогда к ней едет сам Степан. Поначалу приезд мужа пугает Аксинью, затем она постепенно успокаивается. Степан признается, что мечтает «на хозяйство стать». Он уговаривает Аксинью поехать с ним, не скрывает, что ему известно о ее связи с Листницким. «Ты ему ненадолго нужна, баловство... Вот морщины у тебя под глазами... В холопках не надоело быть?»

В ответ ему приходится услышать справедливые упреки. «Об чем раньше думал, когда жизнь мою молодую в прах затолочил? Ты меня к Гришке пихнул... Ты мне сердце высушил...» Она внутренне ждала Степана, ждала, когда он сам приедет и позовет ее, но его приниженный, виноватый вид производит на нее обратное действие — «гордость... встала в ней на дыбы».

Однако на другой день Аксинья получает расчет и уходит к мужу на хутор Татарский. Когда Степан спрашивает, навсегда ли она пришла, Аксинья, «со сжавшимся сердцем оглядывая полуразрушенный курень и баз, бурно заросший лебедой и черным бурьяном», коротко отвечает: «Не уйду».

Страна бурлит, ее лихорадят происходящие события, поделившие казаков на красных и белых, своих и чужих. Воюет и Степан и почти не бывает дома.

Редко появляется у себя и Григорий Мелехов, но однажды он встречает Аксинью на берегу Дона. Эта встреча всколыхнула в ней воспоминания вместе с болью. «Она

улыбнулась такой жалкой, растерянной улыбкой, так не приставшей ее гордому лицу, что у Григория жалостью и любовью дрогнуло сердце».

Разговор между ними завязывается с трудом. Оба они волнуются, борются со своими чувствами. Григорий признается ей в том, что до сих пор не может ее «от сердца оторвать». «Во сне тебя вижу и люблю донныче». Такое признание окрыляет Аксинью, в потухших было глазах вновь заиграли искры, «щеки ее чуть приметно окрасил тонкий, молодой румянец».

Встреча с Григорием и его ласковые слова становятся толчком воспламеняющемуся «многолетнему чувству» Аксиньи. Жизнь показала, что она всегда любила только Григория и думала всегда только о нем («Так ходит по кругу в чигире слепая лошадь, вращая вокруг оси поливальное колесо...»)

Аксинья уже не в силах справиться со своим желанием увидеться с Григорием. Она зовет к себе Дарью Мелехову, отдает ей золотое кольцо и, прибегнув к хитрости, просит позвать Григория: «Мне с ним погутарить надо об Степане... Может, он ему отпуск бы исхлопотал...»

Всю ночь Аксинья провела с Григорием, а на следующий день, стоя у окна, она молча прощается с любимым, уезжающим в Вешенскую. «Она, улыбаясь, махнула ему расшитой утиркой и сейчас же скомкала ее, прижала ко рту, к потемневшим от бессонной ночи глазницам».

С новой силой вспыхивает меж ними любовная страсть. Григорий не выдерживает разлуки с Аксиньей и зовет ее в Вешенскую. Аксинья незамедлительно откликается на зов любимого. С «небольшим узелком», «накинув внапашку теплую кофту», она отправилась в станицу, привлекая внимание пехотинцев своей «яркой, бросающейся в глаза красотой». На все шутки казаков она отвечает «презрительной улыбкой».

В Вешенской она поселилась «у своей двоюродной тетки, жившей на краю станицы». Станица в те дни находилась под сильным обстрелом — «по улицам и переулкам свистали пули, рвались снаряды».

Аксинья сердится на Григория («Вызвал в Вешки, сулил — вместе будем, а сам летает черт-те где!») и досадует на то, что сама не может выйти на улицу. Успокаивает ее Прохор Зыков, пришедший с наказом от Григория («Ну, девка, задала ты мне пару! Все ноги прибил, тебя искал!»), с ним она и отправляется к заветному дому.

Счастье быть рядом с Григорием для нее безмерно. При встрече с ним она не стесняется людей, для нее существует только один человек, ее Григорий. «Снова мир умирал для нее, когда Григорий отсутствовал, и возрождался заново, когда он был около нее». «Из-му-чи-лась! Изболелась вся! Гришенька! Кровинушка моя!» — «невнятно шептала, всхлипывала» Аксинья, «обвилась диким хмелем», «целуя щетинистые щеки любимого».

Годы страстей и страданий оставляют след на лице Аксиньи. «Что-то во взгляде ее томилось жалкое и в то же время смертельно ожесточенное, как у затравленного зверя, такое, отчего Григорию было неловко и больно на нее смотреть». Несмотря на стрельбу, на непрерывные бои, в это тревожное время Аксинья с Григорием испытали счастье, полностью отдались своему чувству. Жизнь, человеческая природа берут верх над всем остальным, и «двое суток прожили они как во сне, перепутав дни и ночи, забыв об окружающем».

Теперь как никогда Аксинью тяготит двусмысленность ее положения, и она требует, чтобы Григорий оставил семью, не ездил в Татарский. Твердое намерение его отправиться домой, чтобы помочь семье, вызывает у нее ярость. «Значит, тебе семья дороже меня? Дороже? И туда и сюда потягивает? <...> Езжай! Но ко мне больше не являйся! Не приму! Не хочу я так! ... Не хочу!»

С обидой уходит Аксинья к своей тетке. Степан, до которого дошли слухи о встречах жены с Мелеховым, зовет ее к себе, к месту, где располагалась Татарская сотня. Аксинья не мешкая выполняет просьбу мужа. Отношения ее со Степаном приобретают

теперь новый характер. Степан боится потерять Аксинью, становится с ней более деликатным и терпимым.

При встрече с женой Степан избегает разговоров о Мелехове, ведет себя тактично и великодушно. Но для Аксиньи отношения с мужем опять потеряли всякий смысл. Ее неотступно преследуют мысли о Григории, без которого жизнь для нее лишена ценности «Перед глазами ее возникал не теперешний Григорий... а тот прежний Гришка Мелехов, по-юношески грубоватый и неумелый в ласках... И от этого Аксинья испытывала к нему еще большую любовь и почти материнскую нежность».

Степан вызывает у нее только ощущение гадливости. Она не хочет задерживаться у мужа, на его просьбу побыть с ним отвечает: «Не гоже мне тут быть... с казаками» и уходит в Вешенскую.

По дороге в станицу она остановилась отдохнуть «на открытой поляне». В этот момент ей «мир открылся... в его сокровенном звучании», в многоцветье и богатстве красок — «глаза Аксиньи терялись в этом чудеснейшем сплетении цветов и трав». Сильное волнение охватывает ее при виде увядающего ландыша. «...За этот короткий миг, когда сквозь слезы рассматривала цветок и вдыхала грустный его запах, вспомнилась Аксинье молодость и вся ее долгая и бедная радостями жизнь». Здесь, на поляне, она «так в слезах и уснула, лежа ничком, схоронив в ладонях заплаканное лицо».

В таком виде ее застаёт «молодой белоусый и белозубый казак». От его грязных посягательств Аксинью спасает имя Григория, которое она произносит почти безотчетно: «Я жена Григория Мелехова! Только подойди, рассукин ты сын!.. Расскажу — так он тебе...» Это вмиг отрезвляет казака. «Ах, дура баба! Чего же ты раньше-то не сказала», — говорит он примиряюще.

Через некоторое время в станицу приезжает истосковавшийся по жене Степан. Здесь его застаёт неожиданно появившийся впервые после размолвки Григорий. Аксинью его приход и путает, и радует. Степан уже научился подавлять в себе злобу и пытается вести себя миролюбиво, ища выход из создавшейся сложной ситуации.

Поблуднев от ревности, Степан приглашает Аксинью выпить с ним и с Мелеховым. Аксинья категорически отказывается («Я же не пью, Степа!»), но когда Степан бросает ей вызов («За здоровье дорогого гостя Григория Пантелеевича»), отвечает решительно и дерзко. «За его здоровье выпью! — звонко сказала Аксинья и выпила стакан залпом». Тетка с ужасом ждала скандала, выстрелов, «но в горнице мертвая стояла тишина».

Степан достойно выходит из положения. Он «поднял руку, потер шершавой ладонью загорелый лоб и — после короткого молчания, с восхищением глядя на Аксинью, сказал: «Молодец, жена! Люблю за смелость!» С не меньшим достоинством ведет себя и Аксинья; видя нежелание Григория уходить, она сухо говорит ему: «Спасибо, что зашли, погостевали, разделили с нами время... Только не рано уж, вторые кочета прокричали. Скоро рассвет, а нам с Степой на зорьке надо домой идти... Да и выпили вы достаточно. Хватит!»

Неспешно течет жизнь Аксиньи дома, в Татарском. «Разговоры о связи ее с Григорием тревожат Наталью. Наконец женщина не выдерживает и прямо спрашивает у Аксиньи, правда ли это. Аксинья всегда хотела жить с Григорием открыто, она никому не могла лгать. Но более всего она не желает делиться своим Григорием с Натальей. Поэтому она прямо и честно признается: «Завладела я Григорием опять и уж зараз постараюсь не выпустить его из рук».

Наталья больно ранит Аксинью, напомнив ей о Листницком («Когда любят — так не делают»). Аксинья поблуднела и резко оборвала Наталью: «Он меня этим не попрекал, а ты попрекаешь?» А в конце разговора Аксинья откровенно признается: «Добром я от него не откажусь <...> он у меня... один на всем белом свете! Первый и последний», — и заключает: «Жив будет он... вернется — сам выберет».

Этим признанием Аксинья лишает Наталью жизненных сил, подталкивает ее к смерти. Гибель Натальи воздвигает преграду между Григорием и Аксиньей. Она же, «с присущим ей умом и тактом, избегала встреч» и «ждала, когда Григорий сам заговорит». Она понимает, что вся ее жизнь идет по какому-то странному руслу, что многое в ней покорено и приобретает страшные очертания.

Любовь к Григорию у Аксиньи перекинулась на его детей, к которым ее все сильнее тянет. Она украдкой зовет к себе Мишатку, угощает его, заботливо латает его рубашонку. Мишатке нравится у «тетки Аксиньи». Несмотря на запрет Ильиничны, мальчик продолжает ходить к Аксинье, слушать, как она рассказывает ему «хорошую сказку» «про какого-то Ванюшку, как его гуси-лебеди на крыльях несли, и про бабу Ягу».

Аксинье приходится вынести тяжелый разговор с матерью Григория. Ильинична обвиняет Аксинью в смерти Натальи и требует, чтобы она прекратила приманивать детей. Поначалу взволнованная Аксинья пытается по-хорошему объяснить: «Ни на кого я не навязывалась и навязываться не собираюсь, а что вашего внучонка примолвила, — чего ж тут плохого? Детей у меня, вы сами знаете, нету, на чужих радуюсь, и то легче, вот и зазвала его...»

Но как только старуха затронула ее чувство к Григорию («И не думай, что этим ты милее станешь Григорию. Женой его тебе не бывать, так и знай!»), Аксинья резко ее обрывает. С этого дня «при встречах она не здоровалась ни с кем из Мелеховых, с сатанинской гордостью, раздувая ноздри, проходила мимо». Но всякий раз, увидев Мишатку, Аксинья обнимала его, «прижимала его к груди и, целуя загорелый лобик и утрюмоватые черные, мелеховские глазенки, смеясь и плача, бессвязно шептала: «Родной мой Григорьевич! Хороший мой! Вот как я по тебе соскучилась! Дура твоя тетка Аксинья... Ах, какая дура-то!»

Ей пришлось пережить страшный момент, когда к мелеховскому дому привезли заболевшего тифом Григория. Думая, что он умер, она молча и одиноко переживала горе у мелеховской калитки. Выбежавшая за бабкой Капитолиной Дуняшка увидела, что «ни кровинки не было в белом Аксиньином лице. Она стояла, прислонившись к плетню, безжизненно опустив руки». Она не плакала, но в ее «затуманенных черных глазах» было столько страдания и немой мольбы, что даже Дуняшка поспешила ее успокоить: «Живой, живой! Тиф у него».

Между тем «фронт все ближе придвигался к Дону», и все жители Татарского собираются уезжать из хутора. Накануне отъезда Григорий, впервые за долгое время, зашел к Аксинье и предложил ей поехать с ним «в отступление». От этого Аксинья испытывает настоящую радость. Она спешит заверить Григория: «Моя любовь к тебе верная. Поеду, ни на что не погляжу!»

Аксинья едет вместе с Григорием — «так неожиданно и странно сбылась давно пленившая ее мечта — уехать с Григорием куда-нибудь подальше от Татарского, от родной и проклятой стороны, где все для нее было исполнено неумолчных и тягостных воспоминаний». Устремившись навстречу своему счастью, она «с живым любопытством осматривала заснеженную, сугробистую степь, натертую до глянца дорогу, далекие тонущие во мгле горизонты».

Она легко переносит дорожные неудобства; но в пути заболевает тифом. Григорий, понимая, что дальнейшее передвижение убьет Аксинью, оставляет ее у чужих людей в поселке Ново-Михайловский, в надежде на то, что они помогут Аксинье справиться с болезнью.

Аксинья поправлялась медленно. Когда она впервые смогла встать и выйти на улицу, «иным, чудесно обставленным и обольстительным предстал перед ней мир <...> все казалось ей невиданно красивым, все цвело густыми и нежными красками, будто осиянное солнцем». Разлученная с Григорием, Аксинья затосковала и, как только нашелся попугайчик (из Вешенской), покинула дом, где нашла приют и заботу.

Двенадцать дней Аксинья шла вместе со своим спутником, потом продолжала идти одна. «Поздно вечером вошла в настезь распахнутую калитку своего двора, глянула на мелеховский курень и задохнулась от внезапно подступивших к горлу рыданий...» Пережитые страдания людей меняют, нередко смягчают их сердца.словно к родной душе, приходит к Аксинье Ильинична, чтобы узнать о сыне. Женщины забыли прежние обиды и мирно разговаривают — без взаимных упреков и оскорблений. Обе они многое испытали и многое потеряли. Аксинья старается успокоить старуху: «Вы не печальтесь об нем, бабушка... Разве такого хворость одолеет? Он крепкий, прямо как железный. Такие не помирают».

Зная, что матери это приятно будет услышать, Аксинья говорит: «И о вас и о детишках вспоминал». Уходя от Аксиньи, Ильинична произнесла те слова, которые страстно желала услышать Аксинья и которые ей были очень дороги: «Обживешься — зайди к нам, проведай. Может, услышишь про Григория что — скажи».

И «с этого дня отношения между Мелеховыми и Аксиньей круто изменились. Тревога за жизнь Григория как бы сблизила и породнила их». А сестра Григория — Дуняша, тревожась за мать, просит Аксинью: «Зайди к нам, погутарь с ней, все ей легче будет. Нечего тебе нас чураться!» — «Зайду как-нибудь, беспременно зайду!» — с готовностью заверяет Аксинья.

Она «охотно согласилась» помочь Мелеховым посеять пшеницу. Накануне вечером сходила на кладбище и на могилы Петра, Дарьи и Натальи Мелеховых насыпала пшеницы. Аксинья «в детской простоте своей... верила, что веселое птичье щебетанье будет услышано мертвыми и обрадует их...» Нелегко было Аксинье одной управляться со своим хозяйством. Она сама привела в порядок курень и крышу сарая. О Степане «вспоминала с неохотой, и почему-то ей казалось, что он не вернется». Душа ее была обращена лишь к Григорию. «Про их связь знали все в хуторе. Даже охочие до сплетен бабы перестали судачить о них, но Аксинья стыдилась высказывать свое чувство».

После смерти Ильиничны Аксинья забирает к себе детей Григория. На них она выплескивает нерастраченную материнскую нежность, неутоленную любовь к Григорию. Но в душе ее нет покоя. Приезд Григория означает для нее новые тревоги и сомнения, поскольку жизнь ее слишком часто разочаровывала. «Много раз в жизни не оправдывались, не сбывались ее надежды и чаяния, и, может быть, поэтому на смену радости пришла всегдашняя тревога. Как-то сложится теперь ее жизнь? Что ждет ее в будущем? И не слишком ли поздно улыбается ей горькое бабье счастье».

Григорий чувствовал в Аксинье главное — она сумеет заменить его детям мать. «Пожалуй, они привяжутся к мачехе. Она ласковая, добрая баба. Из любви к нему она будет любить и детей». Каждая встреча с Григорием становится для нее праздником, «полновесным счастьем».

Наконец Григорий перебирается к Аксинье вместе с детьми. И Дуняша советует брату жениться: «Бери ее, брат, она хорошая... Покойница маманя говорила, что тебе только ее в жены и брать». Их совместную жизнь отравляет тревога за судьбу Григория, ранее воевавшего с казаками против красных. Когда к Мелеховым приходят из Вешенской красноармейцы, Григорий быстро собирается и покидает дом, где он жил с Аксиньей. Стоя на улице, Аксинья «слышала сначала, как похрустывает снег под ногами Григория. И каждый шаг отдавался острой болью в ее сердце».

Теперь Григорий является Аксинье лишь во сне. Она стала чувствительной, часто плакала от тоски и страданий, «много горя перетерпела за последние месяцы». Дети к ней сильно привязались, стали звать ее матерью, и Аксинья с ними много занималась — рассказывала им сказки, помогала мастерить игрушки.

Лишь через много месяцев осторожно постучал в окно к Аксинье Григорий. Встреча с ним красноречиво говорит о том, что Аксинью, «такую сильную, сломили страдания». Едва Григорий оказался в доме, она «тяжело опустилась перед ним на колени, обняла его

ноги и, прижимаясь лицом к мокрой шинели, вся затряслась от сдерживаемых рыданий... Клонясь к нему, пряча лицо на груди у него, Акси́нья молчала, часто вздрагивала и стискивала зубами отворот шинели, чтобы заглушить рыдания и не разбудить детей». Расставшийся с бандой Фомина («Я за тобой») Григорий зовет Акси́нью с собой («На юг. На Кубань или дальше»).

Как и в прежние времена, Акси́нье отвечает решительно и страстно: «А как ты думал? <...> Поеду, Гришенька, родненький мой! Пеши пойду, поползу следом за тобой, а одна больше не останусь! Нету мне без тебя жизни... Лучше убей, но не бросай!..» Акси́нья быстро собирается, дает немудреные наказания Дуняше и пускается вместе с возлюбленным в путь-дорогу, «охваченная радостным волнением». Любуясь ею, Григорий невольно подумал: «Собралась и пошла, как будто в гости... Ничто ее не страшит, вот молодец баба!» Словно угадывая мысли Григория, Акси́нья говорит: «Видишь, какая я... свистнул, как собачонке, и побежала я за тобой. Это любовь да тоска по тебе, Гриша, так меня скрутили. ...Только детишек жалко, а об себе и я и “ох” не скажу. Везде пойду за тобой, хоть на смерть». Вновь Акси́нья радуется жизни, «снова призрачным счастьем манила ее неизвестность...» Когда рядом с нею Григорий, все вокруг преображается. «Только вчера она проклинала свою жизнь, и все окружающее выглядело серо и безрадостно, как в ненастный день, а сегодня весь мир казался ей ликующим и светлым, словно после благодатного летнего ливня. “Найдем и мы свою долю”, – думала она».

Во время отдыха в состоянии эмоционального подъема, пока Григорий спал, Акси́нья нарвала охапку цветов, сплела венок («он получился нарядный и красивый») и «положила в изголовье Григорию».

Едва после привала они тронулись в путь, как наткнулись на засаду. Пуля оборвала жизнь Акси́нии. Она «умерла на руках у Григория незадолго до рассвета». Григорий шашкой выкопал могилу, похоронил «он свою Акси́нью при ярком утреннем свете», «твердо веря в то, что расстанутся они ненадолго».